

3. Современное белорусское общество: социологическое прочтение. БГУ в Государственной программе научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества на 2016–2020 гг. / А. Н. Данилов [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2018. – 111 с.
4. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2019 г. / Материалы респ. мониторингов (2018, 2019 гг.).
5. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2020 г. / Материалы респ. мониторингов (2020 г., апрель–май).
6. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2020 г. / Материалы респ. мониторингов (2020 г., август–сентябрь).

УДК 271.2"19"(476)

ГОМЕЛЬСКИЙ ПРОТОИЕРЕЙ ПЕТР РЫЛЛО (1884–1937) КАК СВИДЕТЕЛЬ ЭПОХИ

И. А. Грищенко

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Представлены сведения об обретенной рукописи гомельского протоиерея Петра Рылло, которая проанализирована как исторический источник. Записки священника охватывают период с начала XX в. до середины 1920-х гг.

Обнаруженные в 2016 г. дневниковые записи гомельского священника Петра Рылло (1884–1937) являются ценным историческим источником, а их обретение – редкой удачей. Рукопись датирована 1932 г. Петр Кузьмич Рылло в 1920-е гг. был настоятелем Никольской (Полесской) церкви. Его записки охватывают период с начала XX в. до середины 1920-х гг. Значительную их часть составляют воспоминания о событиях Первой мировой войны. Отдельные страницы были посвящены проблеме обновленческого раскола 1920-х гг. в Русской Православной Церкви. Такого рода источники имеют свою специфику. Как правило, это эмоционально окрашенная подача исторических событий, субъективная их оценка (если вообще можно говорить об объективности в оценке истории). Анализируя такие документы, следует учитывать личность автора и обстоятельства, при которых велся дневник.

Эту рукопись Петр Рылло завещал своим шестерым детям (две дочери и четверо сыновей). Причин для записи воспоминаний было несколько. Во-первых, священник отдавал себе отчет в том, на какое непростое и трагичное время пришлось его пастырское служение и как могла закончиться его жизнь. Во-вторых, личной драмой его жизни стали непростые отношения с супругой, которые побудили Петра Кузьмича обратиться к детям, попытавшись если не реабилитироваться в их глазах, то хотя бы прояснить свою позицию в этих отношениях. Насколько тяжело переживал П. К. Рылло семейную драму, свидетельствует тот факт, что значительную часть дневника занимают его воспоминания о Первой мировой войне, и не только по причине эпохальности этого исторического события. Время пастырского служения в качестве полкового священника им самим было определено, как самое счастливое (!). Имелся в виду душевный подъем, духовный настрой, позволившие священнику почувствовать свою причастность к мировой истории. Трудности семейной жизни оказались для П. К. Рылло психологически более тяжким бременем, чем тяготы армейского быта. Служение на передовой, в прифронтовой полосе, в лазарете наполняло его жизнь смыслом.

Петр Кузьмич Рылло – потомственный священник, его отец служил в Могилеве и Могилевском уезде. По окончании в 1909 г. Могилевской духовной семинарии он принял священнический сан и получил назначение в Холмскую епархию [1, л. 1–4]. В годы

Первой мировой войны Петр Рылло служил полковым священником Российской Императорской армии. За проявленное мужество в прифронтовой полосе, еще до начала службы в армии, он был награжден орденом св. Владимира. В воспоминаниях священника показана изнанка войны: мародерство, глумление над святынями, жестокость по отношению к военнопленным и беженцам, подлость и предательство имели место по обе стороны фронта. И, напротив, многие эпизоды, описанные гомельским священником, подтверждают известную истину: такие человеческие качества, как милосердие, благородство души не зависят ни от национальной, ни от конфессиональной принадлежности. Война застала Петра Рылло на Холмщине. Во время боев на русско-австрийской границе священнику приходилось спасать мирных жителей от грабежей и насилия со стороны как австрийских, так и русских солдат. По признанию священника, никогда он не чувствовал такой теплой молитвы, как во время праздника Покрова в Богородицком храме Кржешова под артобстрелом австрийцев. Впрочем, обостренное религиозное чувство нередко соседствовало с ожесточением людей, толкавшим их на святотатство, как, например, надругательство над Святым Крестом, который австрийцы (все-таки христиане!) поместили в нужник.

Петр Рылло неоднократно подавал прошение о командировании его на фронт. В октябре 1915 г. в Гомеле священник получил от протопресвитера Георгия Шавельского назначение в 14-й стреловой полк генерала В. И. Гурко, который входил в 4-ю стрелковую железную дивизию под командованием генерала А. И. Деникина. Будучи полковым священником, Петр Рылло испытал все тяготы окопной войны: отпевал, совершал молебны под обстрелом вражеской артиллерии, подносил патроны, помогал в лазарете врачам и санитарам.

В 1920-е гг. Петр Рылло служил в Никольской (Полесской) церкви г. Гомеля. В 1922–1924 гг. он пребывал в обновленческом расколе. Из дела о закрытии военной Георгиевской церкви в Гомеле известно, что в 1923 г. протоиерей Петр Рылло был уполномоченным ВЦУ (обновленческое Высшее Церковное Управление) по Гомельской епархии [2, л. 42]. Обновленческое церковное движение 1920-х гг. – спецоперация, организованная ВЧК-ОГПУ с целью подрыва Русской Православной Церкви изнутри. При оценке обновленчества следует учитывать, что в его рядах были и рядовые священники, далекие от политики, и карьеристы, и идейные модернисты. В Гомеле подавляющее большинство священнослужителей поддержали обновленческий Синод. Но после освобождения патриарха Тихона многие вернулись в Патриаршую Церковь. Немаловажную роль в процессе восстановления церковного единства сыграла позиция мирян. В середине 1920-х гг. гомельский обновленческий уполномоченный в донесении отмечал: «Обновленческое духовенство должно выдавать себя староцерковниками, чтобы не встретить оппозиции со стороны прихожан» [3, с. 93]. На запрос духовенства Стародубского уезда, находившегося на распутье и не определившегося в отношении обновленчества, протоиерей Петр Рылло летом 1924 г. сообщал, что все гомельские священники отказались подчиняться обновленческому Синоду и присоединяются к Патриаршей Церкви [4, л. 173].

Осенью 1924 г. настоятель Никольской (Полесской) церкви г. Гомеля Петр Рылло от себя лично и от имени прихожан послал телеграмму Святейшему Патриарху с просьбой принять их в молитвенно-каноническое общение. Таким образом, протоиерей Петр Рылло в своем возвращении под патриарший омофор обошел посредничество авторитетных гомельских священников. У Петра Рылло несчастливо сложилась семейная жизнь. Жена неоднократно писала на своего мужа-священника доносы, в том числе и на имя епископа Тихона (Шарапова), прибывшего в Гомель для борьбы с обновленчеством. Архиерей, не разобравшись в сути конфликта супругов, протоиерея Петра Рылло на время запретил в служении. П.К. Рылло неоднозначно оценивал действия

епископа Тихона (Шарапова), называя его «жестоким монахом». Честь священника была восстановлена благодаря прихожанам Никольской церкви и компромиссу: Петр Рылло должен был публично покаяться на второй день Пасхи 1925 г., что тот воспринял болезненно [1, л. 72–76].

В начале 1929 г. над Полесской церковью нависла угроза закрытия. Группа верующих посетила обновленческого «епископа» Досифея (Степанова), изъявив «желание войти в его ведение, т. е. признать себя обновленцами, лишь бы спасти церковь от закрытия». Досифей (Степанов) ходатайствовал перед гомельскими властями о приостановке закрытия церкви и передаче ее в его ведение. Какую позицию занял тогда настоятель церкви Петр Рылло, – не ясно. На документе красным карандашом стоит резолюция «Отказать», а на обороте тем же карандашом фамилия настоятеля «Рылло» [5, л. 3–3 об.]. Процесс закрытия Полесской церкви сопровождался осадой церковной территории. При строительстве здания для Западных железных дорог в июле 1929 г. затронули церковный двор. Были уничтожены плодовые деревья, поломана ограда, строительные материалы складывались вокруг церкви [5, л. 83]. На жалобы верующих власти не реагировали, так как участь церкви была уже решена. После закрытия Полесской церкви протоиерей Петр Рылло служил в Преображенской церкви г. Гомеля. В августе 1937 г. он был арестован и Постановлением Особой Тройки НКВД БССР от 30 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в ночь на 1 ноября того же года [6, с. 104–105].

Последние страницы своих воспоминаний гомельский священник посвящает Брусиловскому прорыву. То, что Петр Рылло, не выдерживая хронологии повествования, с событиями 1920-х гг. опять возвращается к Первой мировой войне, свидетельствует о сильном впечатлении и потрясении от пережитого тогда. П. К. Рылло негативно оценивает революционную агитацию среди солдат. На страницах дневника он вспоминает братание с австрийцами на Пасху 1916 г. Закончилось все тем, что австрийцы нанесли удар по русским позициям, выяснив, когда будет производиться смена полков. В 1917 г. братание на фронтах приняло массовый характер и сопровождалось активным товарообменом. Не удивительно, что новость о революции в Петрограде была встречена немцами и австрийцами с радостью. Социально-экономические, политические причины революции 1917 г. – видимая поверхность айсберга. Ни один внешний фактор не способен сыграть решающую роль, если не затронут духовный код народа. А. И. Деникин приводит в своих мемуарах характерный эпизод: «Один из полков 4-й стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции... Демагог-поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм – это предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для...» Генерала не удивляет, что в полку нашелся негодяй-офицер, что терроризированное начальство молчало. Его поражает другое: «Почему 2–3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?» [7, с. 7].

Как ни парадоксально, но субъективный взгляд гомельского священника Петра Рылло на трагические события отечественной истории позволяет более объективно оценить ее некоторые страницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дневник протоиерея Петра Рылло (рукопись 1932 г.) // Арх. Гомел. епархии.
2. Переписка с губисполкомом, уисполкомами и отделениями милиции о закрытии молитвенных домов. 1923–1925 // Гос. арх. Гомел. обл. (ГАГО). – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 30.
3. Шиленок, Дмитрий, священник. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939): («Обновленческий» раскол в Белоруссии) / священник Дмитрий Шиленок. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2006. – 217 с.

4. Информационные сводки ОГПУ. 1924 // Гос. арх. обществ. организаций Гомел. обл. (ГАООГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2431.
5. Материалы о регистрации религиозных обществ по Гомельскому округу. 1928–1929 // ГАГО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 176.
6. Слесарев, А. В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953) : биограф. справ. / А. В. Слесарев. – Жировичи : Изд-во Минс. духов. акад., 2017. – 339 с.
7. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 / А. И. Деникин. – Минск : Харвест, 2003. – 464 с.

УДК 373.167.1

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ В МЕНТАЛЬНОСТИ СЛАВЯН

Л. И. Грошева, И. Л. Грошев

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова,
Российская Федерация*

И. А. Грошева

*Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования
«Институт деловой карьеры» в Тюменской области,
Российская Федерация*

Рассмотрена специфика социальной дистанции славянского населения относительно тюркских, иранских и африканских народов. Проанализированы особенности разграничения допустимости межличностного взаимодействия с точки зрения идентичности или дифференцированности культурного кода. Отмечены базовые различия в восприятии русскими и белорусами представителей исторически и культурно отдаленных национальных групп.

Жизнь в условиях пандемии претерпела ряд существенных изменений, которые так или иначе характеризовались наличием ограничений в сфере мобильности, коммуникаций, реализации трудовых и досуговых интересов. В разрезе межнационального взаимодействия свою роль сыграло превалирование интернет-коммуникаций и информирования, которое в большинстве случаев выступило в качестве единственного диверсифицированного источника информации.

Проблема интернет-пространства в сфере формирования конструктивной системы межнационального сотрудничества заключается в ряде негативных тенденций, характеризующих риски развития мультикультурного общества.

1. Сообщения, касающиеся описания этнических групп, зачастую не характеризуются комплексным подходом и представляют собой дискретные признаки или отличительные черты, которые не всегда понятны читателю вне контекста (обряды кражи невесты и прочее). Данный факт стимулирует сторонних читателей составлять представление о народах на основе сегментированных данных и конструировать стереотипическое представление о качестве и характере культурного кода.

2. Сообщения политической направленности, касающиеся военных конфликтов и противостояний, склонны соотносить преступность или терроризм с представителями определенных национальных групп, проживающих на описываемой территории (курды, афганцы и т. д.). Ввиду интенсификации внимания к отдельным группам негативная коннотация текстов логически распространяется на всех представителей этноса вне зависимости от места их проживания и профессиональной деятельности.